

Л. РУБИНШТЕЙН

Камень на камень (навстречу 97-й годовщине смерти Владимира Ильича Ленина)

Сам я в детский сад никогда не ходил. Я рос при маме и двух бабушках. А мой старший брат — ходил. Он был старше меня на девять лет. Он пережил войну. Он был вместе с мамой в эвакуации, в Уфе.

Он запомнил это время очень хорошо и подробно. Я, например, часто вспоминаю его многократно повторенный рассказ о том, что именно оказалось для него самым вкусным из всего, что ему приходилось есть или пробовать за всю его жизнь. И это «самое вкусное» было тоже связано с войной, с эвакуацией, с Уфой.

Однажды, рассказывал брат, когда ему было лет шесть, соседская девочка пригласила его и еще нескольких мальчиков и девочек из их двора на свой день рождения. По случаю праздника мама этой девочки соорудила торт. Торт был приготовлен из картофельных очисток, сахара и, — верх блаженства, — маргариновых роз, подкрашенных, кажется, тертой морковкой.

Роз было всего три, а ребят было пятеро, поэтому неизбежно возникла некоторая недолгая, но бурная потасовка. Маме именинницы каким-то образом удалось убедить двух мальчиков, что розы должны достаться девочкам. Это был самый первый урок рыцарского кодекса. И это был, по твердому и многолетнему

убеждению брата, самый вкусный торт из всех, которые он ел за всю свою жизнь.

И был детский сад! Детский сад военных лет.

Однажды в студеную зимнюю пору, числа примерно 16-го или 17-го января 1941-го года, то есть ровно 80 лет тому назад, когда его, четырехлетнего, мама забрала из детского сада, он был в горьких слезах.

«Миша! — испугалась мама, — Что случилось? Кто тебя обидел?»

«Ленин умер!» — давясь слезами, сказал брат.

Ну, все понятно. Через пару дней ожидалась очередная годовщина смерти вечного дедушки, и детям сообщили об этом прискорбном, но торжественном факте, а также о том, что в саду по этому поводу ожидаются какие-то соответствующие мероприятия. Стихи какие-то, видимо, какие-нибудь песенки, еще чего-нибудь в подобном роде...

Безутешное горе маленького Миши понятно. Им, детям, с утра до вечера внушали, что дедушка Ленин вечно живой. А тут вдруг такая трагическая неожиданность почти двадцатилетней давности.

А другой маленький мальчик, но уже лет тридцать спустя, тоже вернулся однажды из детского сада, и его глаза тоже были на мокром месте.

«Что такое?» — встревожилась его мать. «Я боюсь Ленина», — дрожащим голосом ответил мальчик. «То есть?!» — испугалась мамаша. «Валентина Николаевна сказала, что он умер, но что он живой и очень любит детей».

«Камень на камень, кирпич на кирпич — умер наш Ленин Владимир Ильич». Был когда-то такой столь же неуклюжий, сколь и живучий детсадовский стишок. И появился он, кажется, сразу же после описываемого в нем события.

Знают ли этот стишок нынешние дети? Если и знают, то насколько твердо они знают, кому был посвящен этот реквием? Кажется, не очень. Выросло поколение, в сознании которого Чингисхан, Наполеон Бонапарт, Петр Великий, Леннон и Ленин слиплись в одну гомогенную массу, существующую под девизом «давно это было, еще до меня».

Хорошо это или плохо? Плохо, потому что плохо не знать историю. О социальных последствиях исторической амнезии сказано много, и не будем повторяться. Но это и хорошо, потому что поколение не живет уже теми столь же бурными, сколь и малопродуктивными страстями, какими жили и продолжают жить поколения предыдущие. Потому что им не надо расставаться, смеясь, со своим прошлым — это уже не их прошлое.

Смываются историческими дождями и ливнями иконография и фразеология, многие годы составлявшие основу идейно-эстетического ландшафта страны. Навечно засевавший в головах нескольких поколений цитатный фонд, для одних служивший символом веры, для других же — неисчерпаемым источником иронических манипуляций, одним из инструментов выяснения отношений с государством и его господствующей идеологией, неведом для поколений последующих. Кто помнит об «удивительной, нечеловеческой музыке», о «советской власти плюс электрификации всей страны» и о том, по какой именно причине учение Маркса всеильно? Кто хмыкнет, услышав словечко «архиважно»? Кому интересно знать о том, «как нам реорганизовать Рабкрин»?

И даром, что мы ходим в Ленинскую библиотеку, проезжаем по Ленинградскому шоссе и уезжаем в Петербург с Ленинградского вокзала, даром, что на площадях русских городов по-прежнему стоит обильно растиражированный дядька с протянутой рукой. Из общественного сознания стремительно выветриваются и облик, и имя того, с кем навсегда связано совсем еще недавнее существование того грозного, великого и бесконечно иррационального космоса, каковым долгие десятилетия являлась одна шестая часть мировой суши.

Кажется, можно было бы забыть и нам, то есть тем, кто вырос в мучительном ощущении, что все это — навсегда. Кажется, сказано уже все об этом человеке — от «величайшего гения человечества, основателя первого в мире государства рабочих и крестьян и самого человеческого человека» до «мерзкого и циничного вурдалака». Но сказано, разумеется, не все, потому что время для трезвого, академического анализа все еще не пришло. Не пришло оно именно потому, что не улеглись до конца оценочные страсти. А они, эти страсти, продолжают «добушевывать» главным образом по причине того, что мы с вами почти что в самом буквальном смысле имеем «скелет в шкафу».

«Камень на камень». Это ведь о Мавзолее. А в семидесятые годы мы распевали такую песенку: «Камень на камень, кирпич на кирпич — умер наш дядя Федор Кузьмич. Умер наш дядя, жалко его. Он не оставил нам ничего. Он не оставил нам ничего. Ничего, кроме себя самого».

Так что вполне можно сказать, что мы отмечаем в эти дни не годовщину смерти Ильича, а день рождения одноименной мумии, прославленного шедевра отечественной таксидермии, уже которое десятилетие прописанного в самом центре столицы нашей родины.

Собственно, она-то и подменила собою того, кто почил в подмосковных Горках 21 января 1924 года.

Это и есть «заветы Ильича». Это и есть «Великое Ленинское наследие». И что с этим наследством делать — так до сих пор и непонятно. «Ничего кроме себя самого»...

Кто и что отмечает в эти дни? Ну, коммунисты — понятно что. Специалисты-бальзамировщики — годовщину триумфа своей легкой профессии. Еще кто-нибудь — что-нибудь еще.

Я же отмечаю в эти дни восьмидесятилетний юбилей того дня, когда заплаканный мальчик в горьких слезах вернулся из уфимского детсада. Я ясно вижу, как он горько плачет, впервые в жизни переживая чью-то смерть. И он еще не знает о том, что тот, чью смерть он оплакивает, умирает каждый год, как постоянно и регулярно умирает все то, что директивно назначено «вечно живым».

Он этого всего пока не знает. Он просто впервые узнал о том, что смерть вообще бывает.

Он плачет. Но он непременно утешится. Дальнейшая жизнь много отнимет, но много и подарит. Например, буквально через пару лет ему посчастливится попробовать самый вкусный торт в его жизни. Жаль только, что без маргариновой розы.